

УДК / UDC 342

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_59

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Агафонов Андрей Сергеевич

Аспирант кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0005-2888-7955, e-mail: aga.fonov@inbox.ru.

Автор соотносит категории «цифровой суверенитет Российской Федерации» и «государственный суверенитет». Делается акцент на том, что толкование российского законодательства не позволяет однозначно определить содержание цифрового суверенитета Российской Федерации. Утверждается, что государственный суверенитет должен рассматриваться как универсальное качество в единственном числе (как завершённый процесс – состояние статики). Все остальное может быть описано как области его проявления (то, что находится в стадии формирования и становления, – незавершённый процесс), в связи с чем концепт «цифровой суверенитет» – это не какой-то особый суверенитет, а лишь одна из областей осуществления государственного суверенитета. Делается вывод, что ни цифровой суверенитет Российской Федерации, ни технологический суверенитет не могут рассматриваться как нечто отдельное от государственного суверенитета и не могут быть по объёму содержания больше, чем он, или равны ему. Прослеживается необходимость в целостном исследовании закономерностей формирования цифровой самостоятельности государства, которое предполагает построение концептуальной модели цифрового суверенитета Российской Федерации и формирование структурно-системного представления о нём.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, государственный суверенитет, право силы, сила права, технологический суверенитет, информационное право

Для цитирования: Агафонов А. С. Цифровой суверенитет Российской Федерации и государственный суверенитет // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 59–63. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_59.

DIGITAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND STATE SOVEREIGNTY

Agafonov Andrei

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0005-2888-7955, e-mail: aga.fonov@inbox.ru.

The author correlates the categories of «digital sovereignty of the Russian Federation» and «state sovereignty». The emphasis is placed on the fact that the interpretation of Russian legislation does not allow us to unequivocally state the content of the digital sovereignty of the Russian Federation. It is argued that state sovereignty should be considered as a universal quality in the singular (as a completed process – a static state), everything else can be described as areas of its manifestation (what is in the process of formation and creation is an unfinished process), and therefore the concept of «digital sovereignty» is not a special sovereignty, but only one of the areas of state sovereignty. It is concluded that neither the digital sovereignty of the Russian Federation nor technological sovereignty can be considered as something separate from state sovereignty and cannot be greater than or equal to it in terms of their content. There is a need for a holistic study of the patterns of formation of the digital independence of the state, which involves the construction of a conceptual model of the digital sovereignty of the Russian Federation and the formation of a structural and systemic understanding of it.

Key words: digital sovereignty, state sovereignty, the right of force, the power of law, technological sovereignty, information law

For citation: Agafonov A. (2026) Digital sovereignty of the Russian Federation and state sovereignty. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu», no. 2, pp. 59–63, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_59.

Развитие прорывных технологий достигло такого уровня, когда при передаче информации географические границы государств перестали существовать. При этом возникла угроза воздействия на национальные телекоммуникационные системы как технологический инструмент самостоятельного принятия государственно важных управленческих решений. Самостоятельность как характерная черта и признак современного цифрового состояния государства приобретает в настоящее время новое качество, выражаемое в концепте «цифровой суверенитет».

Публичная власть сегодня занимает активную позицию в решении вопросов, связанных с обеспечением цифрового суверенитета Российской Федерации.

Это проявляется в различных направлениях государственной информационной политики: в разработке национального мессенджера, внедрении отечественных программ для ЭВМ, ограничении мобильного интернета, ужесточении ответственности за нарушение правил защиты информации, последовательном введении ограничительных мер в отношении WhatsApp и др.

Легальная дефиниция понятия «цифровой суверенитет Российской Федерации» отсутствует в отечественном законодательстве. Исследование российского механизма правового регулирования показывает, что в части правовой регламентации цифровой суверенитет лишь упоминается в некоторых правовых актах. Так, в распоряжении Правительства РФ от 25 июня 2022 г. № 1693-р говорится о «цифровом суверенитете в гражданской авиации»¹, в приказе Минпромторга России от 29 мая 2019 г. № 1869 – о «цифровом суверенитете по защите информации»².

Толкование российского законодательства не позволяет однозначно определить содержание цифрового суверенитета Российской Федерации.

В свою очередь, в отечественной юридической науке цифровой суверенитет является предметом сложной и междисциплинарной научной дискуссии. Единый подход к пониманию цифрового суверенитета пока не сложился, о чем также говорит Т. А. Полякова, выдвигая идею о том, что он не имеет правовой определенности, т. е. точного юридического определения³. В связи с этим мы можем выделить ряд подходов к его пониманию.

Так, в содержание цифрового суверенитета включаются: верховенство государственной власти в виртуальной среде⁴, возможность государства самостоятельно определять степень и способы своего участия или неучастия в отношениях, связанных с применением цифровых технологий для реализации собственных интересов⁵, свойство субъектов информационно-правовых отношений самостоятельно или в кооперации осуществлять под контролем государства независимое воздействие на информацию и информационные технологии⁶, способность государства обеспечивать защиту информации в соответствии с законодательством⁷ и т. д.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25 июня 2022 г. № 1693-р «Об утверждении комплексной программы развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года».

² Приказ Минпромторга России от 29 мая 2019 г. № 1869 «Об утверждении концепции создания российского сегмента евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации».

³ Полякова Т. А. Правовое обеспечение национального суверенитета в информационном пространстве в условиях цифровой трансформации государства // Седьмые Бачиловские чтения: сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6–7 февраля 2024 г. М.: Ин-т государства и права РАН, 2024. С. 13.

⁴ Степанов П. В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 37–51.

⁵ Никонов В. А. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.

⁶ Петроченков И. А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69–73.

⁷ Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. № 11. С. 28–33.

Несмотря на обозначенный исследовательский интерес, нельзя не согласиться с П. У. Кузнецовым, который выдвигает идею о том, что в юридической науке еще не сформулированы теоретические основы цифровой формы государственного суверенитета¹.

Существующая неопределенность порождает ряд вопросов, которые остаются открытыми на исследовательском уровне в области права. Одним из них является вопрос соотношения цифрового суверенитета Российской Федерации и государственного суверенитета.

Государственный суверенитет имеет особый характер, так как лежит в основе силы государства, обеспечивая возможность эффективно осуществлять его функции, и служит критерием оценки его совершенства и развитости.

В связи с этим из наших размышлений важно не упустить категорию силы (силового потенциала), поскольку естественное право силы уже давно царит в отношениях между государствами, эту идею выдвинул Т. Гоббс, утверждавший, что среди независимых друг от друга государств каждое «пользуется абсолютной свободой делать то, что оно считает наиболее соответствующим своему благу», в силу чего они и живут в состоянии непрерывной войны и постоянной готовности к бою, о чем говорят укрепленные границы и пушки, направленные против их соседей².

И если раньше мы могли рассуждать о суверенитете государства как о его праве осуществлять государственный интерес путем применения силы к любому государству, то сейчас подобная позиция трансформируется и обретает более сложный характер.

В частности, когда речь идет о существенных общественных ценностях (к примеру, национальная свобода, независимость), представление о том, что суверенитет одной нации зависит от усмотрения другой, более сильной, становится несовместимым с самим представлением о суверенитете государства, что также прослеживается в рассуждениях И. Д. Левина³.

Соответствующая тематика (о соотношении права силы и силы права) не является новой для юридической науки. Именно сила права выступает фундаментальным началом, опираясь на которое можно сделать вывод о развитости права в конкретном государстве, что также отмечал С. С. Алексеев.

Там, где господствует право силы или же «голая сила» (право сильного, право власти), имеет место неразвитое право; в свою очередь, там, где преобладает режим строжайшего соблюдения действующего права, выраженного в законах, других юридических источниках (право государства, право гражданского общества), наблюдаются признаки, которые позволяют рассматривать право в качестве развитого⁴.

Следовательно, господство силы права в пределах суверенитета Российской Федерации (учитывая характер российской правовой традиции) должно быть выражено и работать постольку, поскольку элементы суверенитета государства находятся в строгих юридических рамках, наличие которых продиктовано необходимостью соблюдения баланса интересов личности, общества и государства.

Государственный суверенитет выступает сложной исследовательской категорией, находящейся на стыке экономики, политики и социологии. Существование множества его интерпретаций лишь подтверждает данный вывод, благодаря чему мы можем рассматривать эту категорию и соотносить ее с другими по-разному, при этом было бы легкомысленно отрицать, что любой из подходов может быть подвергнут конструктивной критике.

Не будет ошибкой рассматривать государственный суверенитет как универсальное качество в единственном числе (если государство суверенно, то у него есть только один суверенитет как его силовой потенциал), все остальное может быть описано как области его проявления.

¹ Кузнецов П. У. Методологические особенности цифрового состояния государственного суверенитета // Сборник докладов участников XVIII Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». М.: НАМИБ, 2024. С. 67.

² Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. С. 175.

³ Левин И. Д. Суверенитет / предисл. С. А. Авакьяна. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 362.

⁴ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010. С. 166.

В связи с этим категория «цифровой суверенитет Российской Федерации» обозначает не какой-то особый суверенитет, а одну из областей осуществления суверенитета. Словом, государственный суверенитет должен мыслиться в единственном числе, но есть «кирпичики», из которых он складывается или которые его гарантируют. Из этих «кирпичиков» складывается цифровой суверенитет Российской Федерации как таковой и рассматривается как составной элемент самостоятельности государства.

Таким образом, государственный суверенитет должен определяться как универсальное качество в единственном числе (как завершённый процесс – состояние статики). Все остальное может быть описано как области его проявления (то, что находится в стадии формирования и становления, – незавершённый процесс).

Отдельно стоит отметить, что ни цифровой суверенитет Российской Федерации, ни технологический суверенитет, регламентированный Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации¹ не могут рассматриваться как нечто отдельное от государственного суверенитета и не способны быть по объёму содержания больше, чем он, или равны ему. Представления об их равенстве несовместимы с самим представлением о суверенитете государства в единственном числе.

В заключительной части следует констатировать, что негативные тенденции, связанные с недружественными действиями в области цифрового суверенитета Российской Федерации, имеют место в экономической (анонимные платёжные системы, автоматизированные скрипты для нарушения работы сайтов и т. д.), социальной (замаскированные веб-страницы, стилеры, дропперские карты и пр.), политической (клоны приложений государственных органов, OTP-боты для кражи кодов 2FA, DDoS-атаки и т. п.) и духовной (дезинформационные и пропагандистские каналы, технологии дипфейков и т. д.) сферах. Словом, во всех областях общественной жизни.

В связи с этим прослеживается необходимость в целостном исследовании закономерностей формирования цифровой самостоятельности государства, предполагающего построение концептуальной модели цифрового суверенитета Российской Федерации, что позволит раскрыть скрытые элементы² и сформировать структурно-системное представление о нём³.

Изложенные соображения являются незавершёнными утверждениями относительно как возможных аспектов дальнейшего исследования, так и их теоретического содержания. Представленные размышления – только приглашение к дальнейшему осмыслению цифрового суверенитета Российской Федерации в юридической науке.

Список литературы

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010. 558 с.

Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. 503 с.

Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. № 11. С. 28–33.

Исаков В. Б. Говорите языком схем: краткий справочник. М.: Норма: ИНФРА М, 2022. 216 с.

Кузнецов П. У. Методологические особенности цифрового состояния государственного суверенитета // Сборник докладов участников XVIII Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». М.: НАМИБ, 2024. С. 66–70.

Левин И. Д. Суверенитет / предисл. С. А. Авакьяна. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 373 с.

Никонов В. А. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.

Петроченков И. А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69–73.

Полякова Т. А. Правовое обеспечение национального суверенитета в информационном пространстве в условиях цифровой трансформации государства // Седьмые Бачиловские чтения: сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6–7 февраля 2024 г. М.: Ин-т государства и права РАН, 2024. С. 9–18.

¹ Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

² Исаков В. Б. Говорите языком схем: краткий справочник. М.: Норма: ИНФРА М, 2022. С. 6–8.

³ Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций). М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. С. 315.

Степанов П. В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 37–51.

Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций). М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. 468 с.

References

Alekseev S. S. (2010) *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 6: Voskhozhdenie k pravu* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 6: The Rise to the Right]. Moscow, Statut, 558 p.

Gobbs T. (1936) *Leviathan ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, form, and Authority of the Ecclesiastical and Civil State]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 503 p.

Isakov V. B. (2022) *Govorite yazykom skhem: kratkii spravochnik* [Speak the language of schemes: a short guide]. Moscow, Norma, INFRA-M, 216 p.

Kuznetsov P. U. (2024) Metodologicheskie osobennosti tsifrovogo sostoyaniya gosudarstvennogo suvereniteta [Methodological features of the digital state of state sovereignty]. In *Sbornik dokladov uchastnikov XVIII Mezhdunarodnogo foruma «Partnerstvo gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshchestva pri obespechenii mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti»*. Moscow, NAMIB, pp. 66–70.

Levin I. D. (2003) *Suverenitet* [Sovereignty]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 373 p.

Nikonov V. A. (2021) Tsifrovoy suverenitet sovremennogo gosudarstva: sodержание i strukturnye komponenty (po materialam ekspertnogo issledovaniya) [Digital sovereignty of the modern state: content and structural components (based on expert research)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 60, pp. 206–216.

Petrochenkov I. A. (2022) K voprosu o kontseptsii tsifrovogo suvereniteta [On the issue of the concept of digital sovereignty]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 7, pp. 69–73.

Polyakova T. A. (2024) Pravovoe obespechenie natsional'nogo suvereniteta v informatsionnom prostranstve v usloviyakh tsifrovoy transformatsii gosudarstva [Legal support of national sovereignty in the information space in the context of digital transformation of the state]. In *Sed'mye Bachilovskie chteniya: conference papers*. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, pp. 9–18.

Shchedrovitsky G. P. (2014) *Orgupravlencheskoe myshlenie: ideologiya, metodologiya, tekhnologiya (kurs lektsii)* [Organizational management thinking: ideology, methodology, technology (course of lectures)]. Moscow, Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva, 468 p.

Stepanov P. V. (2024) Podkhody k ponimaniyu tsifrovogo suvereniteta Rossii [Approaches to Understanding Russia's Digital Sovereignty]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 4, pp. 37–51.

Zharova A. K. (2021) Obespechenie informatsionnogo suvereniteta Rossiiskoi Federatsii [Ensuring the information sovereignty of the Russian Federation]. In *Yurist*, no. 11, pp. 28–33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.02.2026

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026